

УДК 821.161.1.091

DOI 10.25587/SVUFU.2020.17.58369

Т. В. Говенько

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ БЫЛИН В РАБОТАХ А. Н. ВЕСЕЛОВСКОГО

Аннотация. В отечественной науке имя А. Н. Веселовского не раз становилось объектом серьезной критики: незаслуженно его обвиняли в схематизме, позитивизме, эволюционизме, – что, впрочем, не мешало многим ученым сверять по нему собственные теории и гипотезы. Такое положение не способствовало объективному прочтению трудов А. Н. Веселовского, мешало изучению и популяризации научного наследия академика в целом. В настоящей статье анализируются теоретические и методологические предпосылки к экспериментам А. Н. Веселовского с целью реконструкции утраченных элементов былин за счет поэтических средств аналогичных конгломераций – типологически и генетически родственных эпических памятников фольклора и ранней книжности. Одна из главных задач – выявить категориальный аппарат, которым пользовался А. Н. Веселовский, дабы описать предложенную им процессуальную модель развития эпоса и закономерностей текстообразования. Для этого нами был использован метод источникововедческого и текстологического анализа, изучены идеи ученого, связанные с разработанной им методологией и подбором материала, учитывалась специфика направленности его работ по эпосоведению. Свои идеи А. Н. Веселовский реализовывал на стыке философской эстетики, классической поэтики, политэкономии, структурной лингвистики и математической статистики. Нет основания думать, что предложенный им алгоритм воссоздания пратекста былин не может получить дальнейшее развитие. Глубокий анализ синкретической повествовательной формы эпического произведения позволил А. Н. Веселовскому доказать, что базовым уровнем пратекста эпического памятника равно могут быть как устно-поэтические аналоги, так и литературные. В отечественной фольклористике А. Н. Веселовский выступил первооткрывателем структурного метода в области гуманитарного познания, а его историко-генетические исследования внесли неоспоримый вклад в эпосоведение. Содержание и выводы статьи способствуют интересу к трудам А. Н. Веселовского и открытию новых перспектив в области фольклористической морфологии и текстологии, экспериментальной фольклористики, семантическому и нарратологическому изучению эпоса и т. д.

Ключевые слова: фольклор, эпос, сказительская традиция, былины, реконструкция эпоса, экспериментальная фольклористика, историческая поэтика, фольклористическая текстология, суггестивность, научное наследие А. Н. Веселовского.

Т. V. Govenko

An experiment in the reconstruction of epics in the works of A. N. Veselovsky

Abstract. In the Russian science, the name of A. N. Veselovsky has repeatedly become the object of criticism: he was accused of schematism, positivism, evolutionism, which, however, did not prevent many scholars from comparing their own theories and hypotheses with his. This situation did not contribute to objective reading of the works of A. N. Veselovsky, prevented the study and popularization of his academic heritage. This article analyzes the theoretical and methodological prerequisites for conducting such experiments by A. N. Veselovsky with the aim of reconstructing the lost elements through poetic means of similar conglomerations – typologically and genetically related epic monuments of folklore and bookishness. One of the main tasks is to identify the categorical apparatus used by A. N. Veselovsky in order to describe his proposed procedural model for the

ГОВЕНЬКО Татьяна Владимировна – к. филол. н., с. н. с. отдела фольклора Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Москва, Россия.

E-mail: govenko@mail.ru

GOVENKO Tatiana Vladimirovna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: govenko@mail.ru

development of the epic and the laws of text formation. To do this, we used the method of source study and textual analysis, studied the scholar's ideas related to the methodology developed by him and the selection of material, took into account the specificity of the direction of his work on epoconference. A. N. Veselovsky realized his ideas at the intersection of philosophical aesthetics, classical poetics, political economy, structural linguistics and mathematical statistics. There is no reason to think that his proposed algorithm for recreating pratect of epics cannot be further developed. An in-depth analysis of the syncretic narrative form of the epic work allowed A. N. Veselovsky to prove that both the poetic and literary analogues can be the basic level of the first text of the epic monument. In Russian folklore, A. N. Veselovsky was the pioneer of the structural method in the field of humanitarian cognition, and his historical and genetic studies made an indisputable contribution to epic studies. The content and conclusions of the article contribute to the interest in the works of A. N. Veselovsky and the discovery of new prospects in the field of folkloristic morphology and textology, experimental folklore, semantic and narratological study of the epic, etc.

Keywords: folklore, epic, narrative tradition, epics, reconstruction of the epic, experimental folklore, historical poetics, folklore textology, suggestiveness, academic heritage of A. N. Veselovsky.

Введение

А. Н. Веселовский – выдающийся российский ученый второй половины XIX-начала XX столетия, стоял у истоков становления фольклористики как науки. Изначально устно-поэтическая словесность концептуально вписывалась во всеобщую историю литературы и, по справедливому замечанию А. Н. Веселовского в работе «История или теория романа?» (1886), никто из его предшественников не сделал шагу вперед, чтобы их развести. Свои намерения А. Н. Веселовский обосновывал конструктивными отличиями литературного художественного познания от устно-поэтического, требующего иные «пути изучения»; спецификой поэтического акта («от певца к поэту»); свойствами апперцепции (от субъектно-субъектного восприятия текста к субъектно-объектному) и трансформации (от фольклора к книжности, от книжности к фольклору). Намереваясь подкрепить свои логические рассуждения о специфике генеалогии сюжета, «элементах стиля и ритмики, образности и схематизма простейших поэтических форм» [1, с. 493] эпических произведений, А. Н. Веселовский предпринял ряд экспериментов по реконструкции былин с опорой на статистику, а также на каталогизацию собственных имен, топонимов, этнонимов и т. д., извлеченных из группы текстов, на которых лежит печать пратекста.

Хорошо сознавая ограниченность своих возможностей представлять устно-поэтическую традицию через корпус текстов, зафиксированных собирателями и от того утративших свою связь с естественной «средой обитания», А. Н. Веселовский ставил перед собой вполне конкретные цели и задачи: выявить закономерности традиционной трансмиссии и обнаружить композиционно-структурные и семантико-стилистические параметры, обеспечивающие стабильность текстообразования в том или ином социуме. Это способствовало более глубокому пониманию процессов сохраняемости и преемственности инвариантных структур и положило начало изучению «общих мест» или топосов в фольклоре.

Впоследствии многие тезисы А. Н. Веселовского были подвергнуты критике: его обвиняли в схематизме, позитивизме, эволюционизме, – однако при внимательном рассмотрении оказалось, что именно его идеи способствовали развитию таким перспективным направлениям в науке, как фольклористическая текстология, семиотика, морфология, сюжетология и т. д. Важный смысл в его трудах приобрели сравнительно-исторический, структурально-функциональный, семантико-стилистический, историко-контекстуальный и другие методы изучения традиционной культуры, получившие в дальнейшем филологическое обоснование в трудах отечественных и зарубежных эпосоведов XX-XXI вв.: М. К. Азадовского, С. Н. Азбелева, В. М. Гацака, П. А. Гринцера, З. Д. Джапуа, Н. В. Емельянова, В. М. Жирмунского, З. С. Казагачевой, Е. Н. Кузьминой, М. Куршманна, Г. Линке, А. Лорда, Р. Менендеса Пидалья, Е. М. Мелетинского, М. Нейглера, С. Ю. Неклюдова, С. М. Орус-оол, Б. Н. Путилова, И. В. Пухова, К. Райхла, Г. Д. Санжеева, А. П. Скафтымова, Ю. И. Смирнова, Ю. М. Соколова, В. Я. Проппа, Т. М. Хаджиевой, И. Хайнцле, Л. Харвилахти, О. Хёфлера, А. Хойслера, Чао Гежин и мн. др.

В настоящей статье анализируются теоретические предпосылки к опытам А. Н. Веселовского по реконструкции утраченных элементов былин за счет поэтических средств аналогичных

конгломераций – типологически и генетически родственных эпических памятников фольклора и книжности. Подобного рода эксперименты до сих пор остаются востребованными в современном научном сообществе и вызывают к себе особый интерес как с точки зрения парадигматического, так и синтагматического подходов к вопросам сюжетологии и сюжетографии эпоса.

Эпический текст и его суггестивность

Обозначив коллективное творчество, как «комплекс влияний, веяний и скрещиваний, с которыми исследователь обязан считаться, если хочет поискать за ними, где-то в глубинах, народности непочатой и самобытной, и не смутиться, открыв ее не в точке отправления, а в результате исторического процесса» [2, с. 33], А. Н. Веселовский заявил, что его научный интерес сосредоточен не на содержании и описательной истории сюжетности эпоса, а на изучении «внутренней законности народно-поэтического организма» [3, с. 170], на выяснении механизмов развития его формальных элементов, процессов их усвоения, на технике исполнения и т. д.

Эпический текст, будучи продуктом речевой коммуникации сказителя и его аудитории, создавался по их обоюдному согласию, и «тот идеальный образ, которым известное происшествие или героическая личность отразились в народном сознании» [4, с. 909], предназначался именно этому коллективу. Рефлексия на важное в историческом плане событие должна была удовлетворить потребность участников увидеть себя со стороны и увековечить собственные подвиги, не утратив при этом связи с предками. По этой причине эпос воспринимался А. Н. Веселовским явлением не только историческим, но и социальным.

Наблюдения над героическими песнями разных народов с точки зрения конъюнктуры привели А. Н. Веселовского к мысли, что дружинно-родовой быт являлся естественной почвой не только для производства, но и для сбережения некоей сложившейся нормы – жанра эпической песни. «Они вызваны яркими событиями дня, боевыми подвигами племени, клана, воспевают героев, носителей его славы, группируются вокруг нескольких имен» [5, с. 57] и т. д. Функционирование этого жанра с социальной точки зрения зависело от того, насколько долго в нем были заинтересованы все члены сообщества. Иначе говоря, на этом этапе статус устно-поэтического текста, собственно, как и текста ранней письменности, приобщался к изменениям в нарративном модусе, поскольку содержательный дискурс «контролировался» эмоциями непосредственных участников событий, очевидцами и носителями эпоса. В этой фазе «певец военных былей» [6, с. 344], – писал А. Н. Веселовский в работе «От певца к поэту. Выделение понятия поэзии» (1899), – был не просто хранителем памяти, но и творцом славы, «прошедшей идеализацию дружинной эпики» [6, с. 345]. Он занимал высокое общественное положение, играл важную роль при правителе и даже наделялся магической силой.

«Дальнейшее восхождение по генеалогическому, “мысленному” древу былин» [7, с. 430], – продолжал А. Н. Веселовский, – приводит нас к выводу, что эпический текст, проделывая путь не только во времени, но, учитывая непрерывный культурный трансфер, – и в пространстве, сохраниться в прежнем виде не мог. Утрата свидетелей первичной коммуникации и репрезентативности выводит эпический текст в новую фазу – интертекстуальную, что, безусловно, отражается на его жанровой норме. Внешне художественная система эпоса продолжала опираться на историческую память, но функционально ее структура меняла свой код и назначение, поскольку речь шла уже не о свидетельствах, а о воспоминаниях. Смысл текста сохранял свою собственную значимость за счет национальной идеи, а вот концепт изменялся в виду смены субъекта коррелята. «Дружинные певцы забыты» [6, с. 347], – подчеркивал А. Н. Веселовский. Им на смену пришли «профессиональные певцы феодальной эпохи» [6, с. 347], которые зачастую по инерции еще «повторяли, полупонимая, искажая и претворяя» [5, с. 63] некоторые фрагменты национального эпоса, однако, чтобы удовлетворить ожидания публики, сюжет неизбежно ими истолковывался и интерпретировался за счет пояснений, компиляций, дополнительных перипетий и т. д. Так, например для актуализации поведенческого аспекта прежних персонажей, у сказителя «являлось желание рассказать не только о главном герое, но и о его предках и прадедах, о которых, быть может, ни слова не говорилось в первичной редакции исполняемой им песни» [8, с. 492]. «Наслоение фактов, слияние несколькими веками разделенного» [8, с. 471] не могло не отразиться и на поэтике эпоса. То, что до этого было доступно для понимания каждому, переходило из разряда топоса к символу, а, значит, к интерпретации.

В этот переходный период исполнитель все еще продолжал ощущать себя хранителем традиции, «сказителем общего, всем известного предания» [9, с. 583], но в силу названных выше причин эпические тексты все чаще стали смешиваться по принципу идентичности. Спевание происходило, как правило, либо вокруг одного идеального героя или места, либо фактом приурочения становился один и тот же мотив, вокруг которого разворачивались дальнейшие события. По мнению А. Н. Веселовского, этот процесс развивался бессознательно, в момент творчества, по принципу коллокации, когда выбор одного компонента осуществлялся по смыслу, а второй подстраивался по привычке, «как новизна и вместе старина, в которой мы не даем себе отчета, потому что часто не в состоянии определить сущности того психического акта, который нежданно обновил в нас старые воспоминания» [5, с. 72]. Особенно это заметно в тексте «с клеймом на ввозном товаре» [1, с. 497]. Например, «слабая внутренняя связь между Владимиром и такими богатырями, как Дюк и Иван Гостиный сын, держащаяся главным образом идеей похвалы за столом, едва ли не указывает, что именно в этой сцене произошло соединение двух эпических течений, привлекающее к княжескому столу – заезжих молодцев, в состав русского эпоса – бродячие, не приуроченные темы» [7, с. 430], – замечал А. Н. Веселовский в трактате «Южнорусские былины» (1884).

Итак, из всего вышесказанного следует, что изменения в эпической традиции А. Н. Веселовский объяснял не из эстетических «условий, при которых красота появляется, достигается, творится» [10, с. 96], а именно «из процессов восприятия и воспроизведения» [5, с. 71], что гораздо важнее для передачи и сохранения содержания. Выводы ученого: 1) предание, являясь «когда-то естественным выражением собирательной психики и соответствующих ей бытовых условий на первых порах человеческого общежития» [1, с. 493], со временем архаизируется; 2) восполнение утраченных смыслов происходит за счет интерпретаций и актуализации элементов на лингвистическом, семиотическом и прочих уровнях, что приводит к метатекстовым образованиям и изменениям эстетической нормы; 3) из-за непомерно увеличивающегося в объеме неясного и неточного материала экспликация сводит творческий потенциал пратекста практически к нулю, и от некогда «живого» материала остаются лишь «схемы и очертания» [5, с. 72], «микроэпизоды», «общие места», «поэтические константы», которые благодаря своей пластичности легко приурочиваются к новым коммуникативно-поэтическим системам.

«Чем же объяснить и этот спрос, и это забвение? Может быть, не забвение только, а и вымирание» [5, с. 71], – задавался вопросами А. Н. Веселовский. Дольше всего, считал он, «удерживаются в памяти и обновляются те (сюжеты и образы – Т. Г.), которых суггестивность полнее и разнообразнее» [5, с. 71]. Термин «суггестивность» был заимствован им из английской эстетики. С методологической точки зрения, речь идет о «встречном течении»: о совпадении внутреннего образа воспринимающего устно-поэтическое произведение с самим воспроизводимым произведением, в т. ч. при вторичной номинативности. Не случайно А. Н. Веселовский подчеркивал, что «соответствие наших нарастающих требований с полнотой суггестивности создает привычку, уверенность в том, что то, а не другое, служит действительным выражением наших вкусов, наших поэтических вожелений» [5, с. 71]. В работе «Определение поэзии» А. Н. Веселовский писал: «Доверие возбуждали и возбуждают не реальные факты и типы, а те синтетические образы действительности, которые в ту или другую пору существуют в народном сознании и, осложняясь историческими фактами и житейскими типами, производят поэзию» [10, с. 129], «мы оскорбляемся, если то или другое лицо или событие не отвечает типически нашим представлениям о характере, о способе людских действий и т. п. <...> На этом одном основано требование так называемой исторической вероятности» [10, с. 128]. Немаловажную роль в этом процессе играют оценочность («чем далее образ или ассоциация образов удерживается в предании человечества, тем более мы вправе заключать об их эстетичности» [11, с. 619]) и качество поэтического стиля, которое, по мнению А. Н. Веселовского, представляет собой социальное явление. Именно поэтому национальный эпос мог бытовать одновременно как в простонародных версиях, так и в версиях художественных. О суггестивности как основе «своего» в национальной культуре, ученый много размышлял и касательно механизмов заимствования.

Формальные показатели эпического текста

В зависимости от места, времени, состава участников, настроения исполнителя и многих других внешних факторов, эпическое произведение каждый раз декламировалась по-разному, однако за всем этим разнообразием скрывалась единая матрица: «основной текст или сказ, который дает форму целому и ясно проглядывает из-под подробностей, отличающих один вариант от другого» [1, с. 497]. Бесформенность не порождает вариантов, утверждал А. Н. Веселовский, а эпическая схема изначально ограничена набором тех художественно-стилевых средств и формул, которые наличествуют в памяти, сознании, культуре, языке того или иного народа и легко узнаются им. «Произвол поэтического вымысла более, чем обыкновенно думают, ограничен формами» [12, с. 268], – писал он в заметке «Новый журнал сравнительной литературы» (1887). И преемственность – это вопрос о передаче и сохранении не содержания, которое ситуативно и контекстуально по своей сути, а важнейших «элементов стиля и ритмики, образности и схематизма простейших поэтических форм» [1, с. 493]. Именно на этом «повторении одних и тех же форм, одних и тех же процессов» [10, с. 146] базируется суггестивность, и «сопоставление различных пересказов одной и той же повествовательной темы, различных по времени и месту, дает указание на ее внешнее развитие и нередко позволяет взойти к ее древнейшей форме» [12, с. 267], – считал А. Н. Веселовский.

Судя по материалам статей и монографических исследований, проблема реставрации эпоса волновала не только А. Н. Веселовского, но и Ж. Бедье, Р. Кёлера, Л. З. Колмачевского, Ю. Крона и К. Крона, Ф. Либрехта, А. Ольрика, Г. Париса и других ученых, что имело важное значение для становления и развития фольклористической текстологии. Поскольку фольклорный текст, в отличие от литературного, – это совокупность синкретически равноправных вариантов и версий, А. Н. Веселовский одним из первых заметил, что для его изучения необходимы совершенно иные исследовательские методы и инструментари. В связи с этим, он выдвинул требование к собирателям сохранять при записи все стилистические и грамматические особенности фольклорных произведений, вести учет вариантов, вплоть до эпизодических отрывков, которые могут оказаться «сколками» несохранившихся эпических поэм, разрабатывать приемы эдиции, атрибуции, картографирования и т. д.

В эксперименте по воссозданию пратекста былин пристального внимания А. Н. Веселовского заслужили, в первую очередь, сохранившиеся фрагменты некогда популярных текстов. По его мнению, в большинстве случаев эти «известные кадры, ячейки мысли, ряды образов и мотивов» [13, с. 390] в семантическом отношении несут в себе зашифрованные послания. Подобные общие места и символы А. Н. Веселовский предлагал систематизировать и каталогизировать с тем, чтобы в дальнейшем исследователю не составляло труда восстанавливать их поэтические системы.

Многие современники А. Н. Веселовского для воссоздания утраченных фрагментов эпической песни прибегали к историческим свидетельствам. Сам же А. Н. Веселовский был убежден в том, что конструировать эпос по материалам летописей крайне нежелательно, т. к. «известный, решающий в жизни народа факт мог вызвать его воспроизведение в песне и в ней жить дольше и развиваться до неузнаваемости; но и первый позыв к эпической идеализации факта мог быть дан в предыдущем развитии, в готовых типах героизма, к которым могли лишь позже пристроиться исторические имена. Ответ на поставленный вопрос ставится обоюдоостро: историческое событие могло вызвать эпическую песнь, эпическая песнь могла заимствовать обстановку истории. Что еще усложняет вопрос об историческом генезисе эпоса – это качество летописных источников» [14, л. 4]. Теоретически «все спетое в песне, проделанное в обряде, отбываемое в обычае было когда-то и в жизни» [15, с. 104], однако, – подчеркивал он, – «необходимо отличать бытовую ассоциацию от ассоциации поэтической и не делать заключения от одной к другой» [15, с. 105] по причине их разнородности. «Но это только одна сторона вопроса, а есть и другая, – предупреждал А. Н. Веселовский, – с нею тесно связанная: прежде чем сравнивать между собою внешние черты быта в обряде или песне, надо знать их почву, реальный быт народа и основы его миросозерцания» [15, с. 106], – возможно, и они будут разными.

Еще на стадии выбора исследовательского метода А. Н. Веселовский рекомендовал ученым помнить, что у летописи и эпоса не только разные целеполагания, но и приемы воплощения, поэтому сравнение хроник с «субъективным пониманием исторических и легендарных фактов:

в сущности отрицание эпоса» [14, л. 4]. Свой рассказ летописец позиционировал как точное воспроизведение исторических событий, и былина считалась носителями их истинной передачей! И все же эпические песни вполне могут быть не подтверждены историей, а оказаться типичным поэтическим явлением, где персонажи и их деяния – симбиоз исторических лиц и художественных образов. Поэтому пользоваться эпической песней как подспорьем для восстановления исторической правды и наоборот А. Н. Веселовский не только не рекомендовал, но даже называл подобные занятия рискованными. «Конструировать эпос из летописных свидетельств, общую схему эпоса из частного, хотя бы громкого события, отмеченного хроникой, представляется, таким образом, приемом неметодичным» [7, с. 409], – подчеркивал он.

«Народный эпос, – писал А. Н. Веселовский в статье «Новые журналы по народной словесности и мифологии» (1882), – заполнен пришлыми сюжетами, оставаясь тем не менее народным и по психическим посылкам усвоения, и по вековой работе, неустанно претворяющей это усвоенное» [16, с. 125] в типические схемы и положения. «Единственная возможность критически свободно отнестись к этому расплывчатому материалу, не дающему твердой точки опоры, это выйти из его зыбучих песков, изолироваться от его подавляющего, нарастающего разнообразия, найти опору и вместе с нею возможность объективного наблюдения и сравнения» [17, л. 36]. Признание этой обусловленности формальных элементов, по идеи А. Н. Веселовского, позволило бы исследователям реконструировать эпические тексты за счет средств других однородных им по структуре и содержанию произведений на вполне законных основаниях. Для этой цели им был предложен новый метод. По сути он оставался сравнительным, но требовал тщательного изучения алгоритма функционирования и оптимальности повествовательной системы, художественной специфики эпической песни, «всех вариантов до мелочей, образных выражений и общих мест» [18, с. 30]. В работе 1887 г. А. Н. Веселовский обосновал задачу своих экспериментов так: «Чаще всего бывает, особливо в народной поэзии, что сюжет хронологически не определен; к какому времени отнести его, к какой среде приурочить, каким идеальным требованиям он отвечал? Это искомое приходится угадывать, и оно будет тем менее гадательно, чем более опытов мы произведем на пути сближений, когда оба момента сравнения находятся налицо. Это предполагает хорошее знакомство не столько с политической, сколько с народной, общественной историей» [12, с. 268-269], черпать которую приходится из письменных фактов.

Эксперименты А. Н. Веселовского по реконструкции былин

Свой первый опыт «поиска древней первоосновы» А. Н. Веселовский представил в работе на немецком языке «Beiträge zur Erklärung des russischen Heldenepos» («К объяснению русского героического эпоса») (1878). В качестве объекта исследования он использовал былины об Иване Гостином сыне, зафиксированные в виде фрагмента о состязании коней. По мнению А. Н. Веселовского, случилось это потому, что «эпизод со скачками нравился более всего и поэтому исполнялся чаще, домысливать же оставшуюся незатронутой предысторию песни аудитории певца было нетрудно» [19, с. 203], оттого-то она и была утрачена в первую очередь. «Мы не знаем, как Иван получил своего волшебного жеребца, но поскольку он имеет место во всех народных эпических песнях, то нам хотелось бы более подробно осветить все разнообразные отношения коня и его хозяина» [19, с. 201]. Для восстановления контекста А. Н. Веселовский сначала обратился к «местному» материалу: сборнику народных сказок А. Н. Афанасьева, к собраниям П. В. Киреевского, П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга, – отобрал коррелирующие эпизоды и на их основании восстановил историю обретения Иваном Гостиным сыном чудесного коня. Внимательное изучение разных вариантов былины также позволило ему выявить «случайные» мотивы о матери Ивана Гостиного сына и об ее довольно странном отношении к нему; о самом Иване в качестве советчика князя Владимира при выборе невесты, оказавшейся впоследствии неверной женой; о способностях Ивана менять свое обличье и мн. др. Из этих фрагментов А. Н. Веселовский попытался «априорно сконструировать целое, которое, как кажется, соответствует древнему содержанию песен об Иване Гостином сыне. Оно могло включать в себя такие эпизоды:

1. Иван рождается от старых, дотоле бездетных родителей, благодаря их молитвами и обетами. Какой-то старец советует ему, как добыть чудесного жеребенка. Не исключено, что ему были приписаны и другие чудесные познания.

2. Отец умирает. Его вдова продает Иван.

3. Иван появляется при дворе царя, как мальчик, владеющий волшебными знаниями, и по его приказу испытывает быстроту своего чудесного коня.

4. Иван указывает царю на красавицу, которую тот должен выбрать себе в жены, и она потом оказывается неверной» [19, с. 225].

Полученная схема, как считал А. Н. Веселовский, отвечала потребностям средневекового мышления и не противоречила повествовательной логике. Однако, чтобы довести эксперимент до конца, ученому потребовалось обратиться к медиэвистике с тем, чтобы обнаружить аналогичную фабулу в письменных источниках. Собранные Г. Ф. Массманном немецкие и французские версии эпического памятника XII в. «Ираклий» оказались наиболее приемлемыми для этой цели и позволили А. Н. Веселовскому закрепить прототип былин об Иване Гостином сыне за их византийским оригиналом. В отличие от письменного памятника, в котором при переводе с одного языка на другой сохранилось прежнее эпическое целое, «в русской традиции от него остались лишь отрывки и намеки» [19, с. 241]. «Всюду заметна утрата внутреннего мотивирования, – утверждал А. Н. Веселовский, – что связано с другим изменением, которому вынуждена подвергнуться византийская повесть, примкнув к Владимирову героическому эпосу: она лишилась своего собственного единства и должна была разменяться по мелочам в угоду более широкому» [19, с. 243]. Между тем, это никак не мешает использовать алгоритм повествовательной системы «Ираклия» для воссоздания первообраза былины об Иване Гостином сыне по аналогии и смежности их структур. Спустя несколько лет А. Н. Веселовский вернулся к этому вопросу в этюде «Былины об Иване Гостином сыне и старофранцузский роман об Ираклии» (1884) и еще раз подчеркнул, что западноевропейская поэма «Ираклий» и северорусская былина о Гостином сыне представляют собой разную интерпретацию одного и того же исходного текста.

В своих работах А. Н. Веселовский еще много раз обращался к опыту реконструкции эпической песни. Он продолжал оценивать «эпический взгляд на прекрасное» [14, л. 3], изучал, как «эпос живописует в рассказах событие внешнего мира, преимущественно людского общества» [14, л. 4], в какой среде и каким образом развивается, в какой последовательности основных эпизодов (=мотивов) формируется, с тем, чтобы доказать законность поэтических вымыслов в устной словесности. Проницательно А. Н. Веселовский описал обстоятельства, при которых происходила утрата элементов пратекста: на излюбленных фрагментах исполнители предпочитают пускаться в подробности, а полузабытые тексты, равно как и хорошо всем знакомые эпизоды, пересказывают своими словами или упускают вовсе, что в итоге приводило к отклонению от традиции и созданию местных версий.

Свои эксперименты по реконструкции древней основы былин и выявлении ее ранних элементов А. Н. Веселовский довольно подробно описывал в разных работах. Так для былин о Святогоре он предложил такую исходную схему: «1) роковой брак; 2) неверность; 3) испытание силы; 4) роковая смерть в гробу» [20, с. 291]. Для былин о бое Ильи Муромца с сыном: 1) поездка Ильи и Добрыни; 2) Илья встречается с вооруженным сыном; 3) бой Ильи с поединщиком; 4) Илья повергает противника и допрашивает; 5) Илья убивает сына. Для былин о Садке: «1) Садко-гуслиар; своей игрой он прельщает морского царя, который дарует ему в награду чудесный улов, от которого он богатеет, но вместе с тем дает и совет, не хвастать своим таинственно нажитым богатством; 2) Садко хвалится им, обещая скупить все новгородские товары; 3) в следующей затем поездке его корабль останавливается в море, и царь требует к ответу – гуслиара Садка» [21, с. 274]. Для былин о Ставре Годиновиче им было выделено два типа: богатырский (более древний): «1. Ставр хвастает, посажен в тюрьму. 2. Василиса является послом (с требованием дани). 3. Испытание посла: стрельба, борьба. Игра в шахматы (за дань). 4. Ставр выпущен из темницы, играет на пиру. Василиса выпрашивает его у Владимира», – и новеллистический, восходящий к новеллам о хитрых женах: «1. Ставр хвастает женой, посажен в тюрьму. 2. Василиса является послом (царевичам), сватается за княжну. 3. Испытание пола: баня, постель, стрельба (игра в шахматы), борьба. 4. Ставр выпущен из темницы, играет на пиру. Признание его с женою. Василиса провела Владимира» [18, с. 52]. Попутно А. Н. Веселовский отметил, что мотивы состязаний, похвалы, пари ценой жизни занимали в русском эпосе такое же

особое место, как и у других народов, чье творчество развивалось от героической идеализации до новеллистической интерпретации.

Заключение

Метод, предложенный А. Н. Веселовским для реконструкции эпических произведений, позже получил название структурно-типологический. Широко применяемый до этого в физике, биологии, лингвистике, он оказался вполне адекватным в фольклористике, литературоведении, семиотике и других научных дисциплинах.

Понимая под эпосом «нечто органическое, цельное, довлеющее целям человеческого развития» [18, с. 52], переработавшее «целый ряд влияний и международных смещений» [18, с. 52], обобщившим в образности все «известные акты человеческой жизни и психики» [1, с. 495], А. Н. Веселовский подошел к вопросам изучения его поэтической структуры с учетом всех возможных критериев: процессуальных, функциональных, структуральных, семиологических, идеологических, эстетических, общественно-политических, экономических, национальных и пр. Это позволило ему выявить типовые модели эпических произведений и за их счет реконструировать утраченные элементы, восстанавливать забытые, недостающие, существующие имплицитно мотивы, реставрировать внутренние связи и функции персонажей в однотипных, но ставших фрагментарными произведениях. Такой интегральный подход позволил А. Н. Веселовскому не только объективно и многогранно изучить эпические традиции, но и преодолеть ограничения признанных в то время культурно-исторического и мифологического методов, а также заложить основы для аналитического инструментария, давшего импульс новым теориям и практикам как в России, так и за рубежом.

Литература

1. Веселовский А. Н. Поэтика сюжетов (1897-1906) // А. Н. Веселовский. Историческая поэтика / Ред., вступ. ст. и примеч. В. М. Жирмунского. – Ленинград : Художественная литература, 1940. – С. 493-596.
2. Веселовский А. Н. Автобиография // А. Н. Веселовский. Избранное : На пути к исторической поэтике / Сост., послесл. и коммент. И. О. Шайтанова. – Москва : Автокнига, 2010. – С. 29-35.
3. Веселовский А. Н. Сравнительная мифология и ее метод (1872) // А. Н. Веселовский. Избранное : На пути к исторической поэтике / Сост., послесл. и коммент. И. О. Шайтанова. – Москва : Автокнига, 2010. – С. 167-211.
4. Веселовский А. Н. Две Варшавские диссертации // Вестник Европы. – 1872. – Т. 4, № 8. – С. 902-918.
5. Веселовский А. Н. Из введения в историческую поэтику (1893) // А. Н. Веселовский. Историческая поэтика / Ред., вступ. ст. и примеч. В. М. Жирмунского. – Ленинград : Художественная литература, 1940. – С. 53-72.
6. Веселовский А. Н. От певца к поэту. Выделение понятия поэзии (1899) // А. Н. Веселовский. Избранное : Историческая поэтика / Сост., вступ. ст. и коммент. И. О. Шайтанова. – Москва : РОССПЭН, 2006. – С. 343-374.
7. Веселовский А. Н. Южнорусские былины // А. Н. Веселовский. Избранное : эпические и обрядовые традиции / Сост., примеч., послесл. Т. В. Говенько. – Москва : Политическая энциклопедия, 2013. – С. 10-432.
8. Веселовский А. Н. Из лекций по истории эпоса // А. Н. Веселовский. Историческая поэтика / Ред., вступ. ст. и примеч. В. М. Жирмунского. – Ленинград : Художественная литература, 1940. – С. 446-492.
9. Веселовский А. Н. История или теория романа? // А. Н. Веселовский. Избранное : На пути к исторической поэтике / Сост., послесл. и коммент. И. О. Шайтанова. – Москва : Автокнига, 2010. – С. 577-602.
10. Веселовский А. Н. Определение поэзии // А. Н. Веселовский. Избранное : Историческая поэтика / Сост., вступ. ст. и коммент. И. О. Шайтанова. – Москва : РОССПЭН, 2006. – С. 81-170.
11. Веселовский А. Н. Поэтика сюжетов // А. Н. Веселовский. Избранное : Историческая поэтика / Сост., вступ. ст. и коммент. И. О. Шайтанова. – Москва : РОССПЭН, 2006. – С. 535-652.
12. Веселовский А. Н. Новый журнал сравнительной литературы (1887) // А. Н. Веселовский. Избранное : Критические статьи и заметки / Сост., примеч. и послесл. Т. В. Говенько. – Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2016. – С. 260-271.
13. Веселовский А. Н. Язык поэзии и язык прозы // А. Н. Веселовский. Избранное : Историческая поэтика / Сост., вступ. ст. и коммент. И. О. Шайтанова. – Москва : РОССПЭН, 2006. – С. 377-416.

14. Веселовский А. Н. Отрывки из лекций по истории эпоса // Рукописный отдел ИРЛИ РАН. – Ф. 45, оп. 1, ед. хр. 329. – 8 л.
15. Веселовский А. Н. Критические и библиографические заметки (1879) // А. Н. Веселовский. Избранное : Критические статьи и заметки / Сост., примеч. и послесл. Т. В. Говенько. – Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2016. – С. 96-109.
16. Веселовский А. Н. Новые журналы по народной словесности и мифологии (1882) // А. Н. Веселовский. Избранное : Критические статьи и заметки / Сост., примеч. и послесл. Т. В. Говенько. – Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2016. – С. 123-137.
17. Веселовский А. Н. Эпос // Рукописный отдел ИРЛИ РАН. – Ф. 45, оп. 1, ед. хр. 149. – 64 л.
18. Веселовский А. Н. Мелкие заметки к былинам : Былины о Ставре Годиновиче и песни о девушке-воине // Журнал министерства народного просвещения. – 1890. – Ч. 268, март. – С. 1-55.
19. Веселовский А. Н. Beiträge zur Erklärung des russischen Heldenepos. (К объяснению русского героического эпоса) (1879) // А. Н. Веселовский. Работы о фольклоре на немецком языке (1873-1894). Опыт параллельного перевода / Подг. текстов, коммент. Т. В. Говенько. – Москва : ИМЛИ РАН, 2004. – С. 178-253. (На немецком и русс. яз.).
20. Веселовский А. Н. Die neueren Forschungen auf dem Gebiete der russischen Volkspoesie. Zweiter Artikel. Ein deutsches Werk über die russischen Bylinen. (Новые исследования в области русской народной поэзии. Статья вторая. Немецкий труд о русских былинах) (1882) // А. Н. Веселовский. Работы о фольклоре на немецком языке (1873-1894). Опыт параллельного перевода / Подг. текстов, коммент. Т. В. Говенько. – Москва : ИМЛИ РАН, 2004. – С. 254-331. (На немецком и русс. яз.).
21. Веселовский А. Н. Былина о Садке // Журнал министерства народного просвещения. – 1886. – Ч. 248, декабрь. – С. 251-284.

References

1. Veselovsky A. N. *Poetika syuzhetov* [The poetics of the plots]. In: A. N. Veselovsky. *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Red., vstup. st. i primech. V. M. Zhirmunskogo. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura, 1940, pp. 493-596. (In Russ.).
2. Veselovsky A. N. *Avtobiografiya* [Autobiography]. In: A. N. Veselovsky. *Izbrannoye: Na puti k istoricheskoy poetike* [Selected: On the way to historical poetics]. Sost., poslesl. i komment. I. O. Shaytanov. Moscow, Avtokniga, 2010, pp. 29-35. (In Russ.).
3. Veselovsky A. N. *Sravnitel'naya mifologiya i eye metod (1872)* [Comparative mythology and its method (1872)]. In: A. N. Veselovsky. *Izbrannoye: Na puti k istoricheskoy poetike* [Selected: On the way to historical poetics]. Sost., poslesl. i komment. I. O. Shaytanov. Moscow, Avtokniga, 2010, pp. 167-211. (In Russ.).
4. Veselovsky A. N. *Dve Varshavskie dissertatsii* [Two Warsaw dissertations]. In: *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe]. 1872, August, pp. 902-918. (In Russ.).
5. Veselovsky A. N. *Iz vvedeniya v istoricheskuyu poetiku* [From an Introduction to Historical Poetics]. In: A. N. Veselovsky. *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Red., vstup. st. i primech. V. M. Zhirmunskogo. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura, 1940, pp. 53-72. (In Russ.).
6. Veselovsky A. N. *Ot pevtsa k poetu. Vydeleniye ponyatiya poezii (1899)* [From singer to poet. Emphasis of the concept of poetry (1899)]. In: A. N. Veselovsky. *Izbrannoye: Istoricheskaya poetika* [Selected: Historical poetics]. Sost., vstup. st. i komment. I. O. Shaytanov. Moscow, ROSSPEN, 2006, pp. 343-374. (In Russ.).
7. Veselovsky A. N. *Yuzhnorusskiye byliny* [South Russian epics]. In: Veselovsky A. N. *Izbrannoye: epicheskiye i obryadovye traditsii* [Selected: epic and ritual traditions]. Sost., primech., poslesl. T. V. Govenko. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2013, pp. 10-432. (In Russ.).
8. Veselovsky A. N. *Iz lektsiy po istorii eposa* [From lectures on the history of the epic]. In: A. N. Veselovsky. *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Red., vstup. st. i primech. V. M. Zhirmunskogo. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura, 1940, pp. 446-492. (In Russ.).
9. Veselovsky A. N. *Istoriya ili teoriya romana?* [History or theory of the novel?]. In: A. N. Veselovsky. *Izbrannoye: Na puti k istoricheskoy poetike* [Selected: On the way to historical poetics]. Sost., poslesl. i komment. I. O. Shaytanov. Moscow, Avtokniga, 2010, pp. 577-602. (In Russ.).
10. Veselovsky A. N. *Opredeleniye poezii* [Definition of poetry]. In: A. N. Veselovsky. *Izbrannoye: Istoricheskaya poetika* [Selected: Historical poetics]. Sost., vstup. st. i komment. I. O. Shaytanov. Moscow, ROSSPEN, 2006, pp. 81-170. (In Russ.).

11. Veselovsky A. N. *Poetika syuzhetov* [Poetics of plots]. In: A. N. Veselovsky. *Izbrannoye: Istoricheskaya poetika* [Selected: Historical poetics]. Sost., vstup. st. i komment. I. O. Shaytanov. Moscow, ROSSPEN, 2006, pp. 535-652. (In Russ.).
12. Veselovsky A. N. *Novyi zhurnal sravnitel'noi literatury (1887)* [New Journal of Comparative Literature (1887)]. In: A. N. Veselovsky. *Izbrannoye: Kriticheskiye statii i zametki* [Selected: Critical articles and notes]. Sost., primech. i poslesl. T. V. Govenko. Saint Petersburg, Center for Humanitarian Initiatives, 2016, pp. 260-271. (In Russ.).
13. Veselovsky A. N. *Yazyk poezii i yazyk prozy* [The language of poetry and the language of prose]. In: A. N. Veselovsky. *Izbrannoye: Istoricheskaya poetika* [Selected: Historical poetics]. Sost., vstup. st. i komment. I. O. Shaytanov. Moscow, ROSSPEN, 2006, pp. 377-416. (In Russ.).
14. Veselovsky A. N. *Otryvki iz lektzii po istorii eposa* [Excerpts from lectures on the history of the epic]. In: *Rukopisnyi otdel IRLI RAN* [Manuscript department of the IRLI RAS]. F. 45, inv. 1, No. 329, 8 s. (In Russ.).
15. Veselovsky A. N. *Kriticheskiye i bibliograficheskiye zametki (1879)* [Critical and Bibliographic Notes (1879)]. In: A. N. Veselovsky. *Izbrannoye: Kriticheskiye statii i zametki* [Selected: Critical articles and notes]. Sost., primech. i poslesl. T. V. Govenko. Saint Petersburg, Center for Humanitarian Initiatives, 2016, pp. 96-109. (In Russ.).
16. Veselovsky A. N. *Novye zhurnaly po narodnoi slovesnosti i mifologii (1882)* [New journals on folk literature and mythology (1882)]. In: A. N. Veselovsky. *Izbrannoye: Kriticheskiye statii i zametki* [Selected: Critical articles and notes]. Sost., primech. i poslesl. T. V. Govenko. Saint Petersburg, Center for Humanitarian Initiatives, 2016, pp. 123-137. (In Russ.).
17. Veselovsky A. N. *Epos* [Epic]. In: *Rukopisnyi otdel IRLI RAN* [Manuscript department of the IRLI RAS]. F. 45, inv. 1, No. 149, 64 s. (In Russ.).
18. Veselovsky A. N. *Melkiye zametki k bylinam* [Small notes to epics]. In: *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Education]. 1890, vol. 268, March, pp. 1-55. (In Russ.).
19. Veselovsky A. N. *Beiträge zur Erklärung des russischen Heldenepos. K obyasneniyu russkogo geroicheskogo eposa* [To the explanation of the Russian heroic epic]. In: A. N. Veselovsky. *Raboty o fol'klore na nemetskom yazyke. 1873-1894. Opyt parallel'nogo perevoda* [Works on folklore in German. 1873-1894. Experience of parallel translation]. Podg. tekstov, komment. T. V. Goven'ko. Moscow, IMLI RAN, 2004, pp. 178-253. (In German and Russ.).
20. Veselovsky A. N. *Die neueren Forschungen auf dem Gebiete der russischen Volkspoesie. Zweiter Artikel. Ein deutsches Werk über die russischen Bylinen. Novye issledovaniya v oblasti russkoy narodnoy poezii. Statya vtoraya. Nemetskiy trud o russkikh bylinakh (1882)* [New studies in the field of Russian folk poetry. The second article. German work on Russian epics (1882)]. In: A. N. Veselovsky. *Raboty o fol'klore na nemetskom yazyke. 1873-1894. Opyt parallel'nogo perevoda* [Works on folklore in German. 1873-1894. Experience of parallel translation]. Podg. tekstov, komment. T. V. Goven'ko. Moscow, IMLI RAN, 2004, pp. 254-331. (In German and Russ.).
21. Veselovsky A. N. *Bylina o Sadke* [Bylina about Sadko]. In: *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Education]. 1886, vol. 248, December, pp. 251-284. (In Russ.).